

№ 27 (878)

15 мая 1940 г., среда

Цена 30 коп.

ДЕКАДА ЛИТЕРАТУРЫ АЗЕРБАЙДЖАНА

Декада азербайджанской литературы — большой праздник, праздник радостный, творческий и деловой. Им отмечаются не только итоги работы за ряд лет, но и начало нового подъема.

В борьбе за высокую идеальность и мастерство литературного слова росла и крепла молодая советская литература Азербайджана. Вооружаясь марксистско-ленинским, сталинским подходом в истории азербайджанской передовых литераторы, писатели, поэты учились писать достойно нашего времени, а также изучали классическое искусство своего народа. Но социалистическая революция исторические, культурные сокровища Азербайджана не были достоянием широких масс азербайджанского народа. Народ — создатель неистерпимых поэтических богатств — познал Низами, Хагани, Вагифа, целого ряда классиков — сам не мог ничего черпать из этих богатств, жил под гнетом духовенства, помещиков и промышленников.

Но никогда не потухали в азербайджанском народе его трудовая гордость и творческая честь. В XIX и начале XX века здесь выросли такие поэты драматурги, публицисты, мыслители, как Мирза Фетх-Али Ахундов, Вазех, гениальный Сабир и целая плечевая передовой интеллигенции, чей трудный и сложный путь привел, в итоге, к единению с пролетариатом и трудовым крестьянством.

Развитие лучших передовых сил Азербайджана связано уже более ста лет с русскими революционными движениями, с передовыми силами России. Октябрьская революция была началом новой истории азербайджанского народа и его литературы. Перед советскими литераторами стояло много задач, первоочередных одна из другой. Поднять литературу как оружие в борьбе за дело культурной революции, сделать ее понятной и близкой массам, не плясать в то же время в хвосте у отсталых: достичь высокой выразительности, идеальной и художественной, перенести все лучшее из богатейшего классического наследства; научиться распознавать хитроумнейшие вращения теорий и уметь давать им обдуманный отпор; не снижать качества литературы, оперируя ею, как оружием, в борьбе, и не снискать идейности, стремясь к высокому мастерству. Вряд ли когда-нибудь перед деятелями искусства стояли задачи большей практической труслисти! А для выполнения их надо было к тому же еще учиться самим и учить широчайшие массы.

Руководство партии в близости к народу помогало молодой интеллигентии советского Азербайджана расти и созревать. Университетская восприимчивость азербайджанского народа к искусству, исконное существование поэзии, эпиграфов — народных певцов, складцев, высокая культура народной песни в крестьянской среде — все это подготовило широчайшие массы, жившие прежде в убогом и глухо, в восприятии новой литературы, театра, поэзии, музыки. Наступила пора небывалая, праздничная для искусства.

Серьезность задачи заставляет таланты. Культурный рост широких читательских масс, театральных зрителей, слушателей, рост, в котором немалую роль сыграли азербайджанские литераторы, требовал и требует, в свою очередь, дальнейшего роста и от них самих. В таком постоянном теоретическом взаимодействии сознательная советская литература в Азербайджане.

Передко на отдельных этапах может оказаться, что рост того или иного поэта, прозаика, драматурга задерживается, начинать отставать от быстрого течения. Но молодая, творческая масса передовых художников, связанных корнями с народом, не может не побеждать, и такой художник выходит победителем из своих борьб.

С братской помощью Красной Армии азербайджанский трудовой народ добился своего освобождения, с братской помощью русских большевиков превратил бывшую отсталую окраину в передовую страну. И здесь, по прошествии стольких веков, капиталистического народу, мужественному народу открылась возможность узнавать свою историю, собирать драгоценности своей великой древней национальной культуры, приобщая их к созданию новой гуманистической культуры, которой предстоит неслыханный расцвет!

Поэтому азербайджанская литература патристична в самом глубоком и прекрасном смысле этого слова. Поэты, прозаики, народные певцы спасают свой народ и общность своего народа со всем Советским Союзом.

Поэтому так оптимистичны эти стихи, песни и пьесы, полные света, воздуха, чистых и ясных звуков молодого мира!

ХРОНИКА ДЕКАДЫ

17 мая в Большом зале Консерватории состоялся торжественный вечер, посвященный азербайджанской литературе и искусству.

Вечер открыл А. Фадеев.

Слово о литературе азербайджанского народа скажет М. Рафии. Поэты Самед Вургун, М. Аильман, Мамед Рагим и Сулейман Рустам выступят с чтением своих произведений. Переводы из азербайджанских поэтов прочтут А. Азалис, П. Антоховский, В. Державин, В. Луговской и П. Панченко.

В большом концерте примут участие прибывшие в Москву народный артист СССР одновременно Биль-Биль, народные артисты АзССР одновременно К. А. Гаджибабеков и Курбан Примов, солистка Гос-

ударственного азербайджанского театра оперы и балета им. Ахундова Сона Мустафаева, ашуг Набат Джавадова, ашуг Асад Рзаев, Амансаб азербайджанской песни и пляски, азербайджанская государственная филармония им. Магамедова. Выступят также лауреаты всесоюзных и международных конкурсов Давид Обйтак и Яков Филип, мастер художественного слова А. М. Глумов и малый симфонический оркестр Всесоюзного радиокомитета.

18 мая во Дворце культуры автозаводчика им. Сталина под председательством В. Луговского состоится слушательный вечер, посвященный азербайджанской литературе. После слова М. Рафиля выступят поэты Самед Вургун, Зейнал Халил и поэты-революционеры А. Азалис, В. Зиягинцева, В. Луговской и П. Панченко.

АКЫН АЛИМБАЕВ — УЧАСТИК ВСХВ

90-летний акын, заслуженный деятель искусств Казахстана Доскеев Алимбаев, 75-летие творческой деятельности которого будет отмечать 25 мая общественность Республики, как лучший агитатор за колхозный строй утвержден участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

13 мая в Москву приехала группа писателей и работников искусств — участников декады азербайджанской литературы. На фото — встреча прибывших в Москву гостей на Курском вокзале (слева направо): поэт Осман Саривели, народный артист АзССР Гусейн Ага Гаджибабаев, народный артист СССР Биль-Биль, драматург Сабит Рахман, писатель Мамед Мамедханов, поэт Луговской, писатель Мамед Рагим, писатель К. Чуковский, заслуженный деятель искусств Абдулла Шаик, поэтесса Дильбаз. Фото В. Лагина.

Здравствуй, выставка!

Горский вспоминает, что Ленин высказал сожаление, почему не написан «роман на тему о том, как хищники капитализма ограбили землю, растратив всю почту, все железо, дерево, весь уголь».

Всесоюзная сельскохозяйственная выставка показывает, что социализм есть наиболее высокая степень организации и производительности труда на земле. Мы учим ее только людям, но и производству.

И вот на выставке впервые в истории азербайджанской литературы глубоко роднят ее с нашей русской литературой с литераторами всех братских народов Советского Союза. Это — любовь к родине и вместе с тем его историю, изучать литературный русский язык, на котором написано и на который переведено столько произведений мирового, всесоюзного значения, что перевод на братские языки занял бы многие годы, — а овладевшей всей полнотой мировой культуры надо быстры.

Две основные темы азербайджанской литературы глубоко роднят ее с нашей русской литературой с литераторами всех братских народов Советского Союза. Это — любовь к родине и вместе с тем его историю, изучать литературный русский язык, на котором написано и на который переведено столько произведений мирового, всесоюзного значения, что перевод на братские языки занял бы многие годы, — а овладевшей всей полнотой мировой культуры надо быстры.

Две основные темы азербайджанской литературы глубоко роднят ее с нашей русской литературой с литераторами всех братских народов Советского Союза. Это — любовь к родине и вместе с тем его историю, изучать литературный русский язык, на котором написано и на который переведено столько произведений мирового, всесоюзного значения, что перевод на братские языки занял бы многие годы, — а овладевшей всей полнотой мировой культуры надо быстры.

Две основные темы азербайджанской литературы глубоко роднят ее с нашей русской литературой с литераторами всех братских народов Советского Союза. Это — любовь к родине и вместе с тем его историю, изучать литературный русский язык, на котором написано и на который переведено столько произведений мирового, всесоюзного значения, что перевод на братские языки занял бы многие годы, — а овладевшей всей полнотой мировой культуры надо быстры.

Две основные темы азербайджанской литературы глубоко роднят ее с нашей русской литературой с литераторами всех братских народов Советского Союза. Это — любовь к родине и вместе с тем его историю, изучать литературный русский язык, на котором написано и на который переведено столько произведений мирового, всесоюзного значения, что перевод на братские языки занял бы многие годы, — а овладевшей всей полнотой мировой культуры надо быстры.

Две основные темы азербайджанской литературы глубоко роднят ее с нашей русской литературой с литераторами всех братских народов Советского Союза. Это — любовь к родине и вместе с тем его историю, изучать литературный русский язык, на котором написано и на который переведено столько произведений мирового, всесоюзного значения, что перевод на братские языки занял бы многие годы, — а овладевшей всей полнотой мировой культуры надо быстры.

Две основные темы азербайджанской литературы глубоко роднят ее с нашей русской литературой с литераторами всех братских народов Советского Союза. Это — любовь к родине и вместе с тем его историю, изучать литературный русский язык, на котором написано и на который переведено столько произведений мирового, всесоюзного значения, что перевод на братские языки занял бы многие годы, — а овладевшей всей полнотой мировой культуры надо быстры.

Две основные темы азербайджанской литературы глубоко роднят ее с нашей русской литературой с литераторами всех братских народов Советского Союза. Это — любовь к родине и вместе с тем его историю, изучать литературный русский язык, на котором написано и на который переведено столько произведений мирового, всесоюзного значения, что перевод на братские языки занял бы многие годы, — а овладевшей всей полнотой мировой культуры надо быстры.

Две основные темы азербайджанской литературы глубоко роднят ее с нашей русской литературой с литераторами всех братских народов Советского Союза. Это — любовь к родине и вместе с тем его историю, изучать литературный русский язык, на котором написано и на который переведено столько произведений мирового, всесоюзного значения, что перевод на братские языки занял бы многие годы, — а овладевшей всей полнотой мировой культуры надо быстры.

Две основные темы азербайджанской литературы глубоко роднят ее с нашей русской литературой с литераторами всех братских народов Советского Союза. Это — любовь к родине и вместе с тем его историю, изучать литературный русский язык, на котором написано и на который переведено столько произведений мирового, всесоюзного значения, что перевод на братские языки занял бы многие годы, — а овладевшей всей полнотой мировой культуры надо быстры.

Две основные темы азербайджанской литературы глубоко роднят ее с нашей русской литературой с литераторами всех братских народов Советского Союза. Это — любовь к родине и вместе с тем его историю, изучать литературный русский язык, на котором написано и на который переведено столько произведений мирового, всесоюзного значения, что перевод на братские языки занял бы многие годы, — а овладевшей всей полнотой мировой культуры надо быстры.

Две основные темы азербайджанской литературы глубоко роднят ее с нашей русской литературой с литераторами всех братских народов Советского Союза. Это — любовь к родине и вместе с тем его историю, изучать литературный русский язык, на котором написано и на который переведено столько произведений мирового, всесоюзного значения, что перевод на братские языки занял бы многие годы, — а овладевшей всей полнотой мировой культуры надо быстры.

Две основные темы азербайджанской литературы глубоко роднят ее с нашей русской литературой с литераторами всех братских народов Советского Союза. Это — любовь к родине и вместе с тем его историю, изучать литературный русский язык, на котором написано и на который переведено столько произведений мирового, всесоюзного значения, что перевод на братские языки занял бы многие годы, — а овладевшей всей полнотой мировой культуры надо быстры.

Две основные темы азербайджанской литературы глубоко роднят ее с нашей русской литературой с литераторами всех братских народов Советского Союза. Это — любовь к родине и вместе с тем его историю, изучать литературный русский язык, на котором написано и на который переведено столько произведений мирового, всесоюзного значения, что перевод на братские языки занял бы многие годы, — а овладевшей всей полнотой мировой культуры надо быстры.

Две основные темы азербайджанской литературы глубоко роднят ее с нашей русской литературой с литераторами всех братских народов Советского Союза. Это — любовь к родине и вместе с тем его историю, изучать литературный русский язык, на котором написано и на который переведено столько произведений мирового, всесоюзного значения, что перевод на братские языки занял бы многие годы, — а овладевшей всей полнотой мировой культуры надо быстры.

Две основные темы азербайджанской литературы глубоко роднят ее с нашей русской литературой с литераторами всех братских народов Советского Союза. Это — любовь к родине и вместе с тем его историю, изучать литературный русский язык, на котором написано и на который переведено столько произведений мирового, всесоюзного значения, что перевод на братские языки занял бы многие годы, — а овладевшей всей полнотой мировой культуры надо быстры.

Две основные темы азербайджанской литературы глубоко роднят ее с нашей русской литературой с литераторами всех братских народов Советского Союза. Это — любовь к родине и вместе с тем его историю, изучать литературный русский язык, на котором написано и на который переведено столько произведений мирового, всесоюзного значения, что перевод на братские языки занял бы многие годы, — а овладевшей всей полнотой мировой культуры надо быстры.

Две основные темы азербайджанской литературы глубоко роднят ее с нашей русской литературой с литераторами всех братских народов Советского Союза. Это — любовь к родине и вместе с тем его историю, изучать литературный русский язык, на котором написано и на который переведено столько произведений мирового, всесоюзного значения, что перевод на братские языки занял бы многие годы, — а овладевшей всей полнотой мировой культуры надо быстры.

Две основные темы азербайджанской литературы глубоко роднят ее с нашей русской литературой с литераторами всех братских народов Советского Союза. Это — любовь к родине и вместе с тем его историю, изучать литературный русский язык, на котором написано и на который переведено столько произведений мирового, всесоюзного значения, что перевод на братские языки занял бы многие годы, — а овладевшей всей полнотой мировой культуры надо быстры.

Две основные темы азербайджанской литературы глубоко роднят ее с нашей русской литературой с литераторами всех братских народов Советского Союза. Это — любовь к родине и вместе с тем его историю, изучать литературный русский язык, на котором написано и на который переведено столько произведений мирового, всесоюзного значения, что перевод на братские языки занял бы многие годы, — а овладевшей всей полнотой мировой культуры надо быстры.

Две основные темы азербайджанской литературы глубоко роднят ее с нашей русской литературой с литераторами всех братских народов Советского Союза. Это — любовь к родине и вместе с тем его историю, изучать литературный русский язык, на котором написано и на который переведено столько произведений мирового, всесоюзного значения, что перевод на братские языки занял бы многие годы, — а овладевшей всей полнотой мировой культуры надо быстры.

Две основные темы азербайджанской литературы глубоко роднят ее с нашей русской литературой с литераторами всех братских народов Советского Союза. Это — любовь к родине и вместе с тем его историю, изучать литературный русский язык, на котором написано и на который переведено столько произведений мирового, всесоюзного значения, что перевод на братские языки занял бы многие годы, — а овладевшей всей полнотой мировой культуры надо быстры.

Две основные темы азербайджанской литературы глубоко роднят ее с нашей русской литературой с литераторами всех братских народов Советского Союза. Это — любовь к родине и вместе с тем его историю, изучать литературный русский язык, на котором написано и на который переведено столько произведений мирового, всесоюзного значения, что перевод на братские языки занял бы многие годы, — а овладевшей всей полнотой мировой культуры надо быстры.

Две основные темы азербайджанской литературы глубоко роднят ее с нашей русской литературой с литераторами всех братских народов Советского Союза. Это — любовь к родине и вместе с тем его историю, изучать литературный русский язык, на котором написано и на который переведено столько произведений мирового, всесоюзного значения, что перевод на братские языки занял бы многие годы, — а овладевшей всей полнотой мировой культуры надо быстры.

Две основные темы азербайджанской литературы глубоко роднят ее с нашей русской литературой с литераторами всех братских народов

ШТЫК И ПЕРО

I

Социальный заказ британской разведки в Индии, как видит читатель, Кинлинг выполнял точно и добросовестно.

II

Товарищ Сталин писал: «Наша армия коренным образом отличается от колониальных армий. Все ее существо, весь ее строй рождается на укреплении у дружбы между народами нашей страны, на идеи об освобождении угнетенных народов...»

Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов указывал, что в Красной Армии 28.435 ленинских узников, 1.900 рабочих, 267 домов Красной Армии. В библиотеках Красной Армии 25 миллионов книг, 1.725 тыс. газет и 471.500 журналов выпущены для Красной Армии.

В Китае выражения ведут агитации и радиоболтуны под командой недавнего руководителя радиопропаганды, писателя Жоржа Дюамеля. И все же только слепые и бесчестные люди могут утверждать, что народы Франции и Англии воюют во имя благородных идеалов и человеческого достоинства, воюют в условиях социальной справедливости.

Вынужденные, мельчают и литературные памятники, в области которых входит воспевание государственной мудрости современных правителей Англии и Франции, подвигов их военачальников и солдат, на сколько выше Дюамеля, Морса, Андре Жилья и им подобных поэт британского империализма, трубадур Сесилия Ролса, Джозефа Чемберленда, генералов Роберта и Китченера — сэр Редгард Кинлинг — последний поэт Британской империи!

В старое время британские поэты и художники сделали все, чтобы создать легенду о непобедимой великородности армии. Тениссон, один из величайших поэтов Англии, сочинил стихи о «Легкой бригаде», принимавшей участие в Крымской кампании. После боя от всей этой бригады осталось несколько солдат и знаменосцев. Стихотворение о «Легкой бригаде» написано своеобразным, энергичным ритмом и заслуживает внимания читателя, если он интересуется одними политическими достоинствами стихов.

Тениссон не был единственным поэтом английского империализма. Но все же самыми законченными поэтом британской колониальной армии осталась Кинлинг. Стихотворение «Бремя белых» Кинлинга с полной откровенностью подводит итог тому, с его точки зрения, должен гордиться британец:

Несите бремя белых,
И лучиньи сыновей
На тяжких трудах помилите
За тридевять морей;
На службу к покоренным
Угрюмым племенам,
На службу к полудетям,
А может быть — чортам..
Несите бремя белых,
Сумите все стерпеть,
Сумите даже гордость
И стыд преодолеть...

В этих стrophах — конкретная программа действий колониального чиновника, политического агента, разведчика, и в этой конкретности — она произведения Кинлинга. Он воспевает сыновей Англии, посланных властовать над покоренными народами. Он воспевает так называемых «сту-земцев», т. е. родившихся в Индии англичан, которые пьют тост:

...За яркий очаг народа,
За грязный его океан,
За тихую славу Аббатства,
(Без этого нет великаний),
За вечный помол столетий,
За приблежье твои и мои,
За судьбы банков наши,
За флот наш торжественный — ты!

Так создавалась культура колониальных чиновников, негониантов, офицеров и солдат. Одно из мощных орудий войны — цинизм, беспощадная война, которую Англия умело вели в течение многих столетий, тоже нашла поэта в лице Кинлинга. Вот поучительные стихи, в которых совершенство и чисто и конкретно наложено то, что должны делать писатели в военной обстановке. Он должен разведать о враге:

Что он готовят и где?
Когда наступают решни?
На земле, в небесах, на воде?
Как обйти его там?
Если съесть сапаси еды,
Умрет ли от голода он?
Проникни в его ряды, —
Бот твое дело, приятно!

Вот стихотворение, представляющее собой почти конкретное задание шпиону.

ЗА РУБЕЖОМ

В письме в Иностранную комиссию СССР известный датский писатель Мартин Андерсен-Нексе сообщает о своей работе над новым романом:

«Несмотря на сложную политическую обстановку, третья часть «Пелле» продолжается неизменно, — пишет М. А. Нексе. — Я долго не мог найти конец, так как все надеялся, что Пелле отвернется от социал-демократии. Теперь всякая надежда рухнула, и я ясно вижу, как Мортен, классово-сознательный и верный своему классу пролетари, сталкивается с Пелле. Пелле, как расходитя в ее боевом походе как работники фронтовых газет, как политработники, как командиры.

Несмотря на сложную политическую обстановку, третья часть «Пелле» продолжается неизменно, — пишет М. А. Нексе. — Я долго не мог найти конец, так как все надеялся, что Пелле отвернется от социал-демократии. Теперь всякая надежда рухнула, и я ясно вижу, как Мортен, классово-сознательный и верный своему классу пролетари, сталкивается с Пелле. Пелле, как расходитя в ее боевом походе как работники фронтовых газет, как политработники, как командиры.

Скатаивается в болото. Разрешить эту задачу трудно. Пусть я не решу ее, пусть только затрону, — быть может, другие смогут написать об этом, столь чреватом последствиями, расколом».

— В марте этого года фландрского журнала «Клаверендер» спели других стихотворений напечатаны перевод грузинской песни «Сулико».

— Попытки реакционеров закрыть журнал «Нью-Йорк» встречают резкий отпор со стороны прогрессивных кругов США. В Нью-Йорке состоялся митинг в защиту журнала, на котором присутствовало более трех тысяч человек.

Скатаивается в болото. Разрешить эту задачу трудно. Пусть я не решу ее, пусть только затрону, — быть может, другие смогут написать об этом, столь чреватом последствиями, расколом».

— В марте этого года фландрского журнала «Клаверендер» спели других стихотворений напечатаны перевод грузинской песни «Сулико».

— Попытки реакционеров закрыть журнал «Нью-Йорк» встречают резкий отпор со стороны прогрессивных кругов США. В Нью-Йорке состоялся митинг в защиту журнала, на котором присутствовало более трех тысяч человек.

Скатаивается в болото. Разрешить эту задачу трудно. Пусть я не решу ее, пусть только затрону, — быть может, другие смогут написать об этом, столь чреватом последствиями, расколом».

— В марте этого года фландрского журнала «Клаверендер» спели других стихотворений напечатаны перевод грузинской песни «Сулико».

— Попытки реакционеров закрыть журнал «Нью-Йорк» встречают резкий отпор со стороны прогрессивных кругов США. В Нью-Йорке состоялся митинг в защиту журнала, на котором присутствовало более трех тысяч человек.

Скатаивается в болото. Разрешить эту задачу трудно. Пусть я не решу ее, пусть только затрону, — быть может, другие смогут написать об этом, столь чреватом последствиями, расколом».

— В марте этого года фландрского журнала «Клаверендер» спели других стихотворений напечатаны перевод грузинской песни «Сулико».

— Попытки реакционеров закрыть журнал «Нью-Йорк» встречают резкий отпор со стороны прогрессивных кругов США. В Нью-Йорке состоялся митинг в защиту журнала, на котором присутствовало более трех тысяч человек.

Скатаивается в болото. Разрешить эту задачу трудно. Пусть я не решу ее, пусть только затрону, — быть может, другие смогут написать об этом, столь чреватом последствиями, расколом».

— В марте этого года фландрского журнала «Клаверендер» спели других стихотворений напечатаны перевод грузинской песни «Сулико».

— Попытки реакционеров закрыть журнал «Нью-Йорк» встречают резкий отпор со стороны прогрессивных кругов США. В Нью-Йорке состоялся митинг в защиту журнала, на котором присутствовало более трех тысяч человек.

Скатаивается в болото. Разрешить эту задачу трудно. Пусть я не решу ее, пусть только затрону, — быть может, другие смогут написать об этом, столь чреватом последствиями, расколом».

— В марте этого года фландрского журнала «Клаверендер» спели других стихотворений напечатаны перевод грузинской песни «Сулико».

— Попытки реакционеров закрыть журнал «Нью-Йорк» встречают резкий отпор со стороны прогрессивных кругов США. В Нью-Йорке состоялся митинг в защиту журнала, на котором присутствовало более трех тысяч человек.

Скатаивается в болото. Разрешить эту задачу трудно. Пусть я не решу ее, пусть только затрону, — быть может, другие смогут написать об этом, столь чреватом последствиями, расколом».

— В марте этого года фландрского журнала «Клаверендер» спели других стихотворений напечатаны перевод грузинской песни «Сулико».

— Попытки реакционеров закрыть журнал «Нью-Йорк» встречают резкий отпор со стороны прогрессивных кругов США. В Нью-Йорке состоялся митинг в защиту журнала, на котором присутствовало более трех тысяч человек.

Скатаивается в болото. Разрешить эту задачу трудно. Пусть я не решу ее, пусть только затрону, — быть может, другие смогут написать об этом, столь чреватом последствиями, расколом».

— В марте этого года фландрского журнала «Клаверендер» спели других стихотворений напечатаны перевод грузинской песни «Сулико».

— Попытки реакционеров закрыть журнал «Нью-Йорк» встречают резкий отпор со стороны прогрессивных кругов США. В Нью-Йорке состоялся митинг в защиту журнала, на котором присутствовало более трех тысяч человек.

Скатаивается в болото. Разрешить эту задачу трудно. Пусть я не решу ее, пусть только затрону, — быть может, другие смогут написать об этом, столь чреватом последствиями, расколом».

— В марте этого года фландрского журнала «Клаверендер» спели других стихотворений напечатаны перевод грузинской песни «Сулико».

— Попытки реакционеров закрыть журнал «Нью-Йорк» встречают резкий отпор со стороны прогрессивных кругов США. В Нью-Йорке состоялся митинг в защиту журнала, на котором присутствовало более трех тысяч человек.

Скатаивается в болото. Разрешить эту задачу трудно. Пусть я не решу ее, пусть только затрону, — быть может, другие смогут написать об этом, столь чреватом последствиями, расколом».

— В марте этого года фландрского журнала «Клаверендер» спели других стихотворений напечатаны перевод грузинской песни «Сулико».

— Попытки реакционеров закрыть журнал «Нью-Йорк» встречают резкий отпор со стороны прогрессивных кругов США. В Нью-Йорке состоялся митинг в защиту журнала, на котором присутствовало более трех тысяч человек.

Скатаивается в болото. Разрешить эту задачу трудно. Пусть я не решу ее, пусть только затрону, — быть может, другие смогут написать об этом, столь чреватом последствиями, расколом».

— В марте этого года фландрского журнала «Клаверендер» спели других стихотворений напечатаны перевод грузинской песни «Сулико».

— Попытки реакционеров закрыть журнал «Нью-Йорк» встречают резкий отпор со стороны прогрессивных кругов США. В Нью-Йорке состоялся митинг в защиту журнала, на котором присутствовало более трех тысяч человек.

Скатаивается в болото. Разрешить эту задачу трудно. Пусть я не решу ее, пусть только затрону, — быть может, другие смогут написать об этом, столь чреватом последствиями, расколом».

— В марте этого года фландрского журнала «Клаверендер» спели других стихотворений напечатаны перевод грузинской песни «Сулико».

— Попытки реакционеров закрыть журнал «Нью-Йорк» встречают резкий отпор со стороны прогрессивных кругов США. В Нью-Йорке состоялся митинг в защиту журнала, на котором присутствовало более трех тысяч человек.

Скатаивается в болото. Разрешить эту задачу трудно. Пусть я не решу ее, пусть только затрону, — быть может, другие смогут написать об этом, столь чреватом последствиями, расколом».

— В марте этого года фландрского журнала «Клаверендер» спели других стихотворений напечатаны перевод грузинской песни «Сулико».

— Попытки реакционеров закрыть журнал «Нью-Йорк» встречают резкий отпор со стороны прогрессивных кругов США. В Нью-Йорке состоялся митинг в защиту журнала, на котором присутствовало более трех тысяч человек.

Скатаивается в болото. Разрешить эту задачу трудно. Пусть я не решу ее, пусть только затрону, — быть может, другие смогут написать об этом, столь чреватом последствиями, расколом».

— В марте этого года фландрского журнала «Клаверендер» спели других стихотворений напечатаны перевод грузинской песни «Сулико».

— Попытки реакционеров закрыть журнал «Нью-Йорк» встречают резкий отпор со стороны прогрессивных кругов США. В Нью-Йорке состоялся митинг в защиту журнала, на котором присутствовало более трех тысяч человек.

Скатаивается в болото. Разрешить эту задачу трудно. Пусть я не решу ее, пусть только затрону, — быть может, другие смогут написать об этом, столь чреватом последствиями, расколом».

— В марте этого года фландрского журнала «Клаверендер» спели других стихотворений напечатаны перевод грузинской песни «Сулико».

— Попытки реакционеров закрыть журнал «Нью-Йорк» встречают резкий отпор со стороны прогрессивных кругов США. В Нью-Йорке состоялся митинг в защиту журнала, на котором присутствовало более трех тысяч человек.

Скатаивается в болото. Разрешить эту задачу трудно. Пусть я не решу ее, пусть только затрону, — быть может, другие смогут написать об этом, столь чреватом последствиями, расколом».

— В марте этого года фландрского журнала «Клаверендер» спели других стихотворений напечатаны перевод грузинской песни «Сулико».

— Попытки реакционеров закрыть журнал «Нью-Йорк» встречают резкий отпор со стороны прогрессивных кругов США. В Нью-Йорке состоялся митинг в защиту журнала, на котором присутствовало более трех тысяч человек.

Скатаивается в болото. Разрешить эту задачу трудно. Пусть я не решу ее, пусть только затрону, — быть может, другие смогут написать об этом, столь чреватом последствиями, расколом».

— В марте этого года фландрского журнала «Клаверендер» спели других стихотворений напечатаны перевод грузинской песни «Сулико».

— Попытки реакционеров закрыть журнал «Нью-Йорк» встречают резкий отпор со стороны прогрессивных кругов США. В Нью-Йорке состоялся митинг в защиту журнала, на котором присутствовало более трех тысяч человек.

Скатаивается в болото. Разрешить эту задачу трудно. Пусть я не решу ее, пусть только затрону, — быть может, другие смогут написать об этом, столь чреватом последствиями, расколом».

— В марте этого года фландрского журнала «Клаверендер» спели других стихотворений напечатаны перевод грузинской песни «Сулико».

— Попытки реакционеров закрыть журнал «Нью-Йорк» встречают резкий отпор со стороны прогрессивных кругов США. В Нью-Йорке состоялся митинг в защиту журнала, на котором присутствовало более трех тысяч человек.

Скатаивается в болото. Разрешить эту задачу трудно. Пусть я не решу ее, пусть только затрону, — быть может, другие смогут написать об этом, столь чреватом последствиями, расколом».

— В марте этого года фландрского журнала «Клаверендер» спели других стихотворений напечатаны перевод грузинской песни «Сулико».

— Попытки реакционеров закрыть журнал «Нью-Йорк» встречают резкий отпор со стороны прог

Декада азербайджанской литературы

Привет мастерам литературы Азербайджана!

Як. РЫКАЧЕВ

Идаят ЭФЕНДИЕВ

На выставке азербайджанского искусства. «Сбор чая» — картина художника Ю. Агаева.

Сулейман РУСТАМ

Сталину — салам!

Кто может отважной границы хранить?
Мы дышим высоким дыханьем твоим,
Мы живы за тебя, как один, отдадим,
От Азербайджана — салам!

Прекрасен наш мир, словно сон наяву.
Повсюду веселье, праздник весны.
Прекрасен наш мир, словно сон наяву,
Ведь сбылись народные светлые сны.

Покуда стоит этот мир под луной,
Да здравствует Стalin наш дорогой!
Мы дышим высоким дыханьем твоим,
Да социализм мы всю жизнь отдали.

Повсюду веселье, праздник весны,

Обилье, затмившее сны.

Нет места на землях священных врагов,
Не ступит на родину вражья нога.

Мы, бодрствуя, зорко стоим у границ,

Кто может границы отважной хранить?

Сталин, мы дышим дыханьем твоим.

Мы живы за тебя, как один, отдадим,

От Азербайджана — салам!

Перевод с азербайджанского
С. ИВАНОВ.

Приезд участников декады

13 мая в Москву для участия в декаде азербайджанской литературы приехали из Баку писатели, поэты, акусты, критики и артисты Азербайджана. На вокзале гости были тепло встречены делегацией московских писателей. От имени президиума союза писателей с приветственным словом выступил В. Луговской.

Среди приехавших участников декады — поэты: Самед Вургун, Мамед Рагим, Мирвари Дильбази, Нигяр, Осман Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

Ризаев, Теймур и женишина ашут Набад;

писатели — Абулла Шаик, Аль Велиев,

Мир-Джала, Сабир Рахим, Сен-Заде, Энвер

Мамедханлы, Сулейман Рагимов,

Азев Садыхов, Микк Каххий,

Джафар Джабаров, М. Ризакули-Заде, Гамса

мила Ханум; народный артист ССР

Боль-Боль, народный артист Республики Г. Гаджибабеков, артисты Государственного театра оперы и балета

имени Мирзы Фетх-Али Ахундова и Асед

С. Гурьян, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

А. Сарифели, А. Гариб, И. Оратовский, Таджурин, С. Иванов; акусты —

Неудавшийся праздник

Писатель, приглашая вас к себе в книгу, не берет ли на себя обязательства на час-два сделать вас счастливым, както по-новому показать неизвестный вам кусок жизни?

Особенно это важно в книге для детей. И вот мы входим в книгу нового, молодого автора Г. Матвеева «Одна ночь».

Действие происходит на погранзаставе, героя книги — пограничники.

Как же принимает нас автор? Что во-всего узнаем мы из «Одной ночи»?

Что назначение каждой заставы — охранять границу и задерживать наруши-телей?

Что наши пограничники отважны и скромны?

Что колхозники помогают им по мере сил и возможности, так же, как и осталь-ные граждане СССР?

Но все это мы знали и раньше. Но ка-кою же эта, данная, застава? Каковы эти люди — лучшие из лучших, раз они по-лучили право жить в книге?

Ничего нового о пограничниках мы не знаем. Автор называет фамилии, но за ними не видно людей. Данные отрывочные анкетные сведения: один медлительен, другой, наоборот, пылкиен. Третий «пленко-полюбки технику». Четвертый умношил в уме 34 на 76 и этим удивил инспектора.

Но даже и эти особенности бойцов не раскрыты в действиях, а просто слу-чаями сообщаются теми или другим команда-ром.

Больше того, одному из своих героеv — старшине заставы — автор вообще забыл дать имя. Он несомненно существует: он входит и выходит из команда, отправляет бойцов в наряды, отдает рапорт начальнику, в последней главе даже принимает професии. Но в то же время это фейтом. Мы не только не представляем себе, но даже не знаем, как его вспоминать — этого че-ловека без имени. Даже сам автор опи-шет и в начале рассказа, повидимому, что-либо из сестер: «Катюша, которая собирается в лесу грибы».

Старшина, как дома. Задержан-

ный Баркан она приводит к делу в деревне. Тут опять целая серия неправиль-ностей: это та самая деревня, в которой Баркан накануне поселилась. Приезд по-всего человека в условиях границы — целое событие. Мыслимо ли, чтобы Катюша и ее близкие не знали о нем? С дру-гой стороны, как может пройти незамечен-ным привод Баркан в деревню нарушите-льницами?

Дед отправляет Катюшу ночью одну на заставу с извещением о задержании. Это тоже непонятно. Почему он не попросил кого-либо из соседей проводить ребенка?

Баркан дает Кате записку в начальни-ке. Недоразумение выяснено, и тот же Баркан едет с Катей к старшим, чтобы перевести злоуполномоченную Баркан на заставу.

Но дело эти не кончатся. При помощи задержанного днем диверсанта тот ухищ-рится бежать с переполненной людьми за-ставы, превращаясь в дурманом какими-то неизвестными газом начальника и захва-тивая его шинель, фуражку и маузер.

Диверсант уже опознан, это враг народа Райский. За него по болоту, которое до сих пор считалось непроходимым, должна перейти целая группа.

Задача беда, конечно, и в небрежном языке Матвеева. Порой небрежность граничит с неграмотностью. Так, девочка у не-го говорит: «Я очень мастерка грибы собираю».

А как вспоминаются, например, из рас-каза Фраермана на ту же тему слабое дыхание отца, широкий шаг, которым ходят охотники и краснодарцы, и гнев, квалящий человека, как огнь. Как от-челюпко представляешь себе добродушного Сизова, некрома Ти-Суся и упрямую Натку. Вот их уже не забудешь, не перепутаешь.

Большая беда, конечно, и в небрежном языке Матвеева. Порой небрежность граничит с неграмотностью. Так, девочка у не-го говорит: «Я очень мастерка грибы собираю».

Мысли и переживания у героев отсут-ствуют. Виды только постуки. И это же-хосто мистицизма: когда в конце кни-ги, после бурных передряг этой однажды все демобилизованные бойцы остаются на сверхсрочной службе, этому не веришь. Или, вернее, веришь только потому, что так часто бывает в жизни.

Зато этих самых передряг более чем до-статочно. Тут автор впадает в другую крайность — по склонности переходит в рабочестьности. Он громозит события одно-но на другое сверх всякой меры. Где уж тут, в самом деле, бойцу переживать или думать, когда ему опомнился начальник.

Действие не прекращается ни на секун-ду. Занавес поднялся, и сразу мы вкли-чены в стремительный разворот событий, сразу мы заинтересованы в судьбе добрых персонажей. Здесь, в этом психологическом

М. ШКАПСКАЯ

мый прием стущения событий на маленьком отрезке времени тоже вполне законный прием. Но и тут автору мешают его небрежности: если каждое событие в отдельности реально и правдоподобно, то связь их отсутствует.

Какое нагромождение ужасов, какое от-сутствие чувства меры и как все плохо держатся!

Нет, товарищи Матвеев, не выполнены

небрежности автора и его равнодушия, на этот раз даже в своей собственной остро-умной выдумке.

Последнее задержание на границе: берут Райского пограничника, правда, уже пос-ле того, как он отразил собаку и пытался покинуть.

Какое нагромождение ужасов, какое от-сутствие чувства меры и как все плохо держатся!

Нет, товарищи Матвеев, не выполнены

небрежности автора и его равнодушия,

и поэтому задержание на границе: берут Райского пограничника, правда, уже пос-ле того, как он отразил собаку и пытался покинуть.

А между тем какая благодатная тема.

Всё складалось бы один драматург из театральной драматургии, что достаточно вывести на сцену пограничника в форме, чтобы зал разразился рукоплесканиями. Но-ничто, это заслуга не драматурга или писателя, это заслуга Красной Армии и никакого отношения к качеству вещи не имеет. Но какой это показывает интерес к теме!

Тем более автору, берущемуся за этот благодарный и нужный материал, нельзя позволить себе равнодушия и небрежности.

Обычно всего то, что автор мог сделать свою книгу гораздо лучше.

У него есть выдумка. Несмотря на не-дочеты, очень занимательна. Для описания поступков он умеет найти иногда меткие и нужные слова. Он владеет диалогом. Он знает детали военного дела и умеет использовать их, хотя был в запоминающемся сюжете смены места пулуметчиками. Вероятно, если бы он не торопился, он смог бы показать лучше и людей — удалось же ему внести враждующие между собой повар и врач, неплоха Катюша.

Но Катюша в лесу, как дома. Задержан-ный Баркан она приводит к делу в деревне. Тут опять целая серия неправиль-ностей: это та самая деревня, в которой Баркан накануне поселилась. Приезд по-всего человека в условиях границы — целое событие. Мыслимо ли, чтобы Катюша и ее близкие не знали о нем? С дру-гой стороны, как может пройти незамечен-ным привод Баркан в деревню нарушите-льницами?

Все это заставляет надеяться, что де-фекты книги только от угловатости новичка, от неостатка опыта. Автору предстоит большая работа, чтобы усвоить основные секреты нашего труда и мышления ремесла, — те самые, о которых постоянно напоминал нам Алексей Малькович:

что героев и обстановку надо видеть, что слова нужно уметь сжимать, как пальцы в кулак,

что талант развивается из любви к делу.

И, главное, — что писать нужно не разделяясь, а от полного сердца.

И тогда, может быть, в следующей кни-же автор примет своих юных читателей, чтобы они в самом деле почувствовали

диверсант уже опознан, это враг народа Райский. За него по болоту, которое до сих пор считалось непроходимым, должна

перейти целая группа.

Задача белесом гонит собака. В то же

время, белым выходят на линию границы для встречи группы.

Бегущий Райский в лесу нагоняет тегу-лу с Грохотовым и Катюшой. На этот раз уже он ранит и захватывает пограничника. Оглушенная Катюша брошена в ле-су, а Грохотова Райский уводит с собой в ту же самую деревню и дает в тот самый дом, где дед сторожит предполагаемую шпионку Баркан. Правда, это обстоятельство мотивируется тем, что деду передана изба бывшего кулака, приятеля Райского.

Зайдя в избу, Райский связывает ста-риков, а Райску Семенову принимает за

свою и при ней пытается узнать от ра-бочего Грохотова пароль и дорогу на гра-ница.

Здесь опять очередное задержание. Ге-рои Баркан задерживает Райского. Ей удается развязать Грохотова и обезоружить диверсанта. Но в последний момент он, конечно, бежит. Надо же показать все типы задержаний!

Из трубы валил настоящий дым. На-стопала пыль выбивалась из-под ног у логоманного лица ежа. Настоящий огонь пылает из русской печи, в которой пе-нуется настоящие хлебы. В театре этом, казалось бы, принципиально условном, все оказывается настоящим, великим спло-ходом изящества, дерево, дерево, из кор-того режутся куклы, получило неуми-рающую душу, неуклюжий голос.

Действие не прекращается ни на секун-ду. Занавес поднялся, и сразу мы вкли-чены в стремительный разворот событий, сразу мы заинтересованы в судьбе добрых персонажей. Здесь, в этом психологическом

тексте, — обречен на роль механического громоговорителя, надобность в котором

и надолго ушел в туманы. Но этого не скажешь о юных или вступительных чтецах, которые предстают перед зрителем както особенно симпатичными.

Даже использование театральных при-менений текста — путем выделения собственной речи, звуконаправля-ний и мимических трюков — не сможет оправдать его труд.

Но «спрятаться за автора» должен рас-сказать, а соединиться с ним, чтобы за-ставить публику забыть о себе и об ав-торе. Остается рассказ — варнинский и слышишний, произведение искусства, рождающееся от слияния двух художественных индивидуальностей.

Это хорошо понимал Закукиня. В вы-

пушней только что книге мы находим

выражение «родиться с автором» и ука-зание на то, как было необходимо автору «выжить», соответствует ли мне выбранное произведение своей «художест-венной правотой», то есть могу ли я, в состо-янии я или при моем голосе, лице, фигу-ре, дыхании, температуре, соединиться с автором, рассказать памятное произ-ведение.

Текст, который слышит Яхонтов, аз-затвор, по которому слышит Катюша, и, если пони-мать ее глубоко, опасна.

Разве не говорят так:

— Мне не нужен чтец. Читать я умею

и в промежутках не нуждаюсь!

Действительно, так ли уж необходимо

существовать в стране всеобщей

грамотности?

Автор, ограничивающий свою работу

одной только целью — точно, ясно, с пра-вильной расстановкой ударений «доказы-

вать».

К сожалению, не во всяком чтении

проявляет себя личность актера. Надеялся,

что удастся «прятаться за автором», иначе говоря, сорвать незаслуженные аплоди-

сменты, то, что адресованы единому

тексту, — ослепляет порой даже

признающих чтецов.

Гонец Г. Аргобеловского, пожалуй,

наиболее показителен именно в этом смыс-ле.

Нельзя признать удачной самую мысль

составить в один пакет «Небесную», «Бо-

жественную комедию» Дантес и новеллы

Бокаччо. Не вызывает доверия много-

численный переход актера от жестоких ужа-

сов «Ада» к веселой пурпуре «Джемме-

ло».

Здесь мы имеем дело лишь с поверхно-стями интерпретации текста, ни о каком

«сочинении с автором» говорить нельз-я.

Изображение языка, на котором говорят

актеры, то есть я

Искусство столетий

В первый день мюзикла в Москве ленинградских театров в четырех залах Дома актера открылась большая выставка, посвященная театральной и музыкальной истории великого города за несколько столетий.

Среди уникальных документов, хранящихся в Ленинградском театральном музее и представленных сейчас на выставке в Москве, — указ об учреждении русского драматического театра, поданный императрицей Елизаветой в 1756 году, эскизы и зарисовки первых декораций, kostюмов, постановок. В галерее великих русских мастеров театрального искусства представлены актеры Федор Болков, Е. Семенова, о которых Пушкин писал:

Любимца бессмертной Мельхиоры,

В России первая сумела ты открыть

Искусство тайное, как сердцу говорить.

Твои черты поистому драгоценны,—

А. Яковлев, который «авантиков имел,

соперников не знал, В. Караганин,

К. Варшавский, Д. Давыдов, Е. Стрепетов,

М. Савин, В. Комиссаржевская.

«Богатейшая театральная библиотека

им. Луначарского, основанная еще в 1754

году, хранится редкие издания XVI, XVII

и XVIII веков. В музыкальной библиотеке,

— областительнице коллекции французских

шартий XVIII века и оригинальных

партий генеральных русских композиторов

Чайковского, Римского-Корсакова,

Мусорского и других — собрана исто-

рия музыкального театра за 200 лет. Эри-

тель может проследить историю созданной

по указу Петра I хоровой капеллы, два

года назад отпраздновавшей свое 225-ле-

тие. Музикальным руководителем этой

капеллы с 1887 по 1899 год был Глинка,

с ней связана педагогическая деятельность

Римского-Корсакова.

Старейшее в мире ленинградское хоре-

графическое училище за 200 лет своего

существования выпустило плеяду блести-

ших танцовщиков. За годы советской власти

из стен этого училища вышли такие

крупные мастера балета, как М. Семенова,

Г. Уланова, К. Сергеев.

Выставка отражает также плодотворную

деятельность Государственной ордена

Ленина Ленинградской консерватории, Теа-

трального института, Всероссийской ака-

демии художеств, Научно-исследователь-

ского института театра и музыки, студии,

лаборатории.

Убедительны цифры роста и развития

искусства города Ленина за советские годы.

Вместо 21 театра в 1913 году, сейчас

в самом Ленинграде имеется 52 театра, и 17 театров работают в области.

Афиши знаменательных спектаклей, новые

книги по искусству, портреты и скульптура видных деятелей оперы, балета и

драмы, эскизы, снимки и макеты поста-

новок знакомят посетителей с деятельно-

стью не только тех шести театров, ко-

торые прибыли в Москву, но и с дости-

жениями театров имени Ленсовета, имен-

и Ленинского комсомола, Музикальной

комедии, Государственного Нового театра,

Театра юного зрителя и Кукольного теа-

тра под управлением заслуженного арти-

ста РСФСР Е. Демени. Выставку укра-

шают снимки памятников архитектуры

Ленинграда.

■ ■ ■

Плакат работы художника В. С. Кли-
машина, выпущенный иллюстративно-
издательским бюро ВСХВ.

НЕИЗВЕСТНЫЕ ГЛАВЫ «ДЖАНГАРА»

ЭЛИСТА. (От наш. корр.). Джанзары Басаевы Мукаевы до 1939 г. был известен только в своем селовете, в своем

услуге. В ноябре 1939 г. в Калмыкии состоялся первый республиканский слет национальных клубов юношеских гимнастических клубов, — ежемесячные «спортивные чтения», на которых читались, еще до напечатания, новые статьи ленинградских критиков, ставшие актуальными творческими вопросами. Оживленные и содержательные дискуссии вызывали чтение статей М. Яковлева и других. Наиболее ярким из них был «Чтение» по проблемам современного бытового спектакля. Наряду с критиками и театралами в дискуссиях участвовали актеры, режиссеры, драматурги. Ближайшее «чтение» посвящалось монографиям спектаклях и актерах.

Ленинградским критикам заинтересовал ряд

монографий, посвященных ленинградским

мастерам театра. Монографические очерки Ю. М. Юрьева и Е. П. Корчагиной-

Александровской, К. Державина изданы

театром имени А. С. Пушкина. Опыт ленинградских музыкальных театров по со-

зданию советской оперы освещен в книге В. Богданова-Березовского «Советская опера».

В серии монографий о лучших спектак-

лях ВТО издаст книгу И. Березовская — о «Гамле» в театре им. Ленинградского

совета и Л. Малюгина — о «Данииле» в постановке Б. А. Бабочкина в Большом драматическом театре им. М. Горького. Второе, расширенное изда-

ние монографии С. Дредфена о Николае Черкасове выпущено Госкиноиздатом. Театром комедии изданы монографии ленинградских театров и критиков, посвященные крупнейшим мастерам театра имени А. С. Пушкина (Карыгин, Мартынов, Социники, Самойловы и др.).

Теме «С. М. Киров — ленинградская ма-

тера искусства» посвящается специальная

глава в книге С. Дрейдена «Киров и ис-

кусство», подготовленной к печати из-

дательством «Искусство».

Вторая ее часть, говорили выступавшие,

во многом удалила поэту больше первой,

хотя писать ее, должно быть, было труднее,

так как в ней показаны события обстановки, не видены автором и зна-

комые ему лишились по литературе.

Наиболее живой и выразительный образ

пoэмы — старый рабочий, под влиянием

которого формируется революционное сознание Александра. К сожалению, сам

Александр не вполне склонен схематичен,

личен ярких индивидуальных черт ха-

рактера и это делает его похожим на уже

известных нам героях из других литерату-

турных произведений.

Еще меньше удалось удачно изобразить

также злополучие персонажа из пьесы А.

Карыгина, обрисованной лишь эпизодично.

В этом году в плане Удмуртского госу-

дарственного издательства большое место

отведено прозе. Две большие романы на-

ходятся уже в печати, — это «Улем пот» («Китай хочет»), П. Блинова и «Рамене»

Д. Бор-Раменского.

В «Улем пот» молодой удмуртский писа-

тель Петр Блинов разрабатывает тему о

формировании нового человека; «Рамене»

— роман о колхозной жизни Прикамья.

Автор, Дмитрий Бор-Раменский, — старый

народный учитель.

С особым интересом читатели ожидают

готавляемую к печати повесть «Мыльные

дурумы» («Закованные в цепи») М. Петро-

рова. Михаил Петров — автор нескольких

сториц, отрывков Пушкина, Альбера-

Гайдара, «Данила Сасунского», «Поднатыя цепи».

Историческая повесть М. Петрова посвя-

щена «музейному делу» (наименование в

своем времени судебного процесса музей-

ников, обвинявших царских чиновников

в жертвенности).

Находится в печати книга «Заря на-

встречу». М. Федулова — о революцион-

ных выступлениях изжевских рабочих в

1905—07 гг.

■ ■ ■

Новые книги удмуртских писателей

в Баку. Если именно этот рисунок был

разослан участникам конкурса и лежал в

основу проекта, то же хотели приоризировать

авторов из Киргизии, не зная о том, что

они сделали с этим рисунком.

Следует отметить, что в Киргизии

делают картины на тему «Сказки народов

Киргизии» и «Сказки народов Киргизии».

Следует отметить, что в Киргизии делают

картины на тему «Сказки народов Киргизии».

Следует отметить, что в Киргизии делают

картины на тему «Сказки народов Киргизии».

Следует отметить, что в Киргизии делают

картины на тему «Сказки народов Киргизии».

Следует отметить, что в Киргизии делают

картины на тему «Сказки народов Киргизии».

Следует отметить, что в Киргизии делают

картины на тему «Сказки народов Киргизии».

Следует отметить, что в Киргизии делают

картины на тему «Сказки народов Киргизии».

Следует отметить, что в Киргизии делают

картины на тему «Сказки народов Киргизии».